

Ничто, ничто смертельный ядъ
Передъ улыбною подобной.
Волною поднялася грудь;
Хотѣлъ онъ и не могъ вздохнуть;
Холодный потъ съ чела крутова
Катился, но изъ устъ—ни слова.

XVI.

И вдругъ очнулся онъ, вздрогнулъ,
Къ лукъ припалъ, коня толкнулъ,
Одно мгновенье на курганъ
Онъ черной птицею мелькнулъ,
И скоро скрылся весь въ туманъ.
Черезъ камни конь его несетъ,
Онъ не глядитъ и не боится.
Такъ быстро скачетъ только тотъ,
За кѣмъ раскаяние мчитъ.

XVII.

Куда черкесь направилъ пути?
Гдѣ отдохнетъ младая грудь?
И усмирится думъ волненье?
Черкесь не хочетъ отдохнуть:
Ужели отдыхаетъ мщенье?
Аулъ, гдѣ дѣтство онъ провелъ,
Мечети, кровы мирныхъ селъ—
Все уничтожилъ русскій воинъ.
Пить, пить, не будетъ онъ спокоенъ.
Пока изъ бѣлыхъ ихъ костей,
Вѣкамъ грядущимъ въ поученье,
Онъ не воздвигнетъ мавзолее.
И такъ отмститъ за униженье
Любезной родины своей.
«Я знаю васъ,—онъ шепчетъ,—знаю!
И вы узнаете меня;
Давно ужъ васъ я презираю;
Но вашу кровь пролить желаю.
Я только съ нынѣшняго дня...»
Онъ бьетъ и дергаетъ коня,
И конь летитъ, какъ вѣтеръ стени;
Надулись ноздри, блещетъ зорь,
И ужъ въ виду зубчатъ цѣпи
Кремнистыхъ безконечныхъ горъ,
и Шатъ подбѣмлетъ за ними
Съ двумя главами сѣговыми,
И путникъ мнитъ: «недалеко,
Въ часъ прискачу я къ нимъ легко.»

XVIII.

Предъ нимъ, съ отъѣнкой голубою,
Полувоздушную стѣною
Нагіе тянутся хребты;
Невѣрны, странны, какъ мечты,
То разойдутся, то сольются.
Ужъ часъ прошелъ, и двухъ ужъ нѣтъ—
Они надъ путникомъ смѣются,
Они едва мѣняютъ цвѣтъ.
Блѣднѣетъ путникъ отъ досады;
Конь непривычный устаетъ;
Ужъ солнце къ западу идетъ
И больше въ воздухъ прохлады
А все пустынные громады,

Хотя и выше, и темнѣй,
Еще загадка для очей.

XIX.

Но вотъ его, подобно тучѣ,
Встрѣчаетъ крайняя гора:
Пестрый восточнаго ковра
Холмы кругомъ, все выше, круче.
Покрытый пѣной до ушей,
Здѣсь началъ конь дышать вольнѣй;
И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ черкесомъ пронеслись,
Въ груди проснулись желанья,
Во взорахъ слезы родились.
Погаела ненависть на время,
И думъ неотразимыхъ бремя
Отъ сердца, мнилось, отлегло;
Онъ поднималъ свѣтлое чело,
Смотрѣлъ и внутренно гордился,
Что онъ черкесь, что здѣсь родился.
Межъ скалъ незыблемыхъ, одинъ,
Забылъ онъ жизни скоротечность,
Онъ, въ мысляхъ міра властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность.
Забылъ онъ все, что испыталъ:
Друзей, враговъ, тоску изгнанья
И, какъ невѣсту въ часъ свиданья,
Душой природу обнималъ.

XX.

Краснѣютъ сизыя вершины,
Лучемъ зари освѣщены;
Давно разѣлины темны;
Катятся черезъ узкія долины,
Туманы сонные легли,
И только топотъ лошадиный,
Звуча, теряется вдаль.
Погаеъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листья,
Вкушаютъ конь безъ сновидѣній,
Полузащитіе цвѣты;
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, нѣжится лѣзиво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною;
Такъ сталъ кольчуги изъ кощя
[Когда забыты послѣ бою
Они на полѣ роковомъ],
Въ кустахъ найденная луною,
Блится въ сумракѣ ночномъ.

XXI.

Ужъ поздно. Путникъ одинокій
Одѣлся буркою широкой;
За дубомъ низкимъ и густымъ
Дорога скрылася; вѣтеръ дуетъ;
Конь спотыкается подъ нимъ,
Хранитъ, какъ будто гибель чуетъ,
И сталъ. Дивится, слѣзъ съ докъ
И видитъ пропасть предъ собою;
А тамъ, на днѣ ея, потокъ
Во мракѣ бѣшеной волною